

Рождается рабочая династия

Николай Алексеевич Лагода пришел в наш цех в 1948 году после окончания ремесленного училища № 13. С тех пор вот уже 36 лет он работает нагревальщиком на стане 500. За это время ветеран в совершенстве овладел профессией, обучил и воспитал многих молодых рабочих. За долгие годы безупречный труд Николай Алексеевич награжден медалью «Ветеран труда», ему присвоено звание «Ветеран Магнитки».

Сейчас Н. А. Лагода уже пенсионер, но из цеха он не уходил ни на один день, продолжая выполнять очень важную работу по эксплуатации и ремонту печей.

Вслед за отцом, закончив профессионально-техническое училище № 41, в наш цех пришел в 1972 году Сергей Лагода. Он электрик на стане 300 № 3. Отсюда он ушел служить, а когда вернулся, в цехе приняли его в ряды КПСС. Два года назад без отрыва от производства Сергей закончил индустриальный техникум. В своей третьей бригаде «он пользуется заслуженным уважением». Недавно его избрали партгрупоргом бригады.

С 1977 года работает в нашем цехе и Наталья — дочь Николая Алексеевича. Начала она маркировщицей, а после окончания курсов стала машинистом крана на адьюстаже.

Так Николай Алексеевич Лагода положил начало новой династии.

С. ПОЛЕТАЕВ,
старший мастер по ремонту стана 300 № 3.

Нелегкая военная судьба выпала на долю сержанта артиллерийско-минометного расчета механизированного корпуса бронетанковой колонны Михаила Петровича Беляева. От Курска до Берлина прошел он, был ранен, имеет награды.

Сейчас ветеран войны и труда на пенсии. На встречах с пионерами Беляев рассказывает и о грандиозном сражении у деревни Прохо-

Награды — в дар музею

ровка, в котором его расчет минометным огнем отражал натиск врага, и о том, как воевали советские солдаты за города и села Украины, Белоруссии.

За храбрость, проявленную в боях за Варшаву, сержант Беляев был награжден орденом Красной Звезды.

После войны Михаил Пет-

В дни празднования 40-летия великой Победы к нам в редакцию поступило немало писем, заметок, зарисовок об участниках Великой Отечественной войны, воспоминаний самих ветеранов. Предлагаем вниманию читателей подборку из таких писем и заметок.

рович приехал в Магнитогорск, стал работать на коксохиме. Здесь, в нашем городе, он получил высшее образование и перешел мастером производственного обучения в ГИТУ № 13. М. П. Беляев свои боевые награды передал в дар музею боевой славы комбината.

П. СПИРИН,

Ветераны второй мировой...

У нас в ОТК работали и продолжают работать немало участников Великой Отечественной войны. Как правило, это люди достойные уважения, большие труженики, хорошие специалисты. Прожили они нелегкую жизнь, много сделали и для победы над фашизмом, и для качественной работы подразделений комбината.

Среди них бывший командир взвода противотанковых пушек Андрей Андреевич Бонин, бывший минометчик Петр Павлович Каплин, артиллерист Рафкат Файзрахманович Губайдуллин и многие другие. В мирное время они работали контролерами ОТК, начальниками участков технического контроля и т. д.

Дмитрий Васильевич Харламов всю войну прошел радиотелеграфистом подразделения знаменитых «Катюш». Фашисты смертельно боялись мощного оружия и стерегли каждый его выход. «Юнкеры» искали «Катюши» по клубам дыма, которые долго стояли в воздухе после выстрела. И радиотелеграфисту нужно было не только передавать координаты вражеских объектов наводчикам «Катюш», но и находить наи-

более безопасные места для перемещения орудия.

Дмитрий Васильевич принимал участие в Сталинградской битве, форсировал Дон, освобождал Крым, воевал за многие украинские города и села, вместе с подразделением прошел Польшу, Чехословакию. Он награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды. Ветеран и сегодня продолжает работать на производстве — начальником участка ОТК в листопрокатном цехе № 3.

Невозможно перечислить все имена наших ветеранов войны. Только в период подготовки к празднованию 40-летия Победы работники отдела технического контроля отыскали более двухсот фронтовиков и тружеников тыла, в разное время работавших в ОТК. Была проделана большая организационная и поисковая работа. Каждому ветерану было послано поздравление и приглашение на праздничный вечер. Проведены четыре встречи, на которых ветеранам вручали цветы и памятные сувениры.

Во главе этой работы встали администрация, партийный, профсоюзный и комсомольский комитеты.

Но особенно много сделала для удачного проведения этих встреч инспектор ОТК по кадрам Раиса Михайловна Петрова.

Р. ДОЛЖЕНКОВА,
контролер ОТК.

От редакции: Когда эта заметка была уже отпечатана, почта принесла к нам письмо, подписанное ветеранами ОТК Гайшуном, Нефедовой, Соловьевой и другими. Вот что они написали:

«Дорогая редакция! В годы Великой Отечественной войны нас, подростков, было нам по 14 лет — направили в ремесленное училище, а в 16 лет мы заменили своих отцов, старших братьев и матерей, ушедших на фронт, на рабочих местах. Прошло много времени, но трудности, пережитые нами в молодости, остались в памяти навсегда. И вот в канун великого Дня Победы о нас вспомнили, поздравили с праздником, пригласили на вечер, подарили подарки. Мы были очень тронуты такой заботой и от всего сердца благодарим и дирекцию комбината, и руководителей нашего отдела технического контроля. С уважением — ветераны ОТК».

Мера человечности

Когда началась война, наша семья жила на Украине в городе Днепродзержинске. Из пятерых детей я был младшим. Когда однажды отец пришел с работы и сказал: «Собирайтесь быстро — эвакуируемся на Урал», — мне было чуть больше трех лет. Об этом и о последующих событиях я знаю со слов мамы, старших сестер.

Наш эшелон мчался на Восток. Он вез оборудование заводов, рабочих, их семьи. На одной из станций навстречу нашему поезду выкатился другой поезд, а над ним — целая свора немецких самолетов. Паровоз фашисты разбили и начали стрелять из пулеметов по вагонам. Рассказывали, что рядом со станцией было хлебное поле, на котором жали созревший хлеб серпами женщины и подростки. И несколько самолетов, оставив поезд, стали бомбить и стрелять по ним. Мама говорила, что пассажиры нашего поезда тоже бросались в лесопосадки. Она тащила нас, не зная, как закрыть от пуль, как уберечь.

Когда самолеты улетели, пассажиры стали хоронить погибших — и тех, кто ехал в двух поездах, и тех, кто спасал дивно уродившийся в тот год хлеб...

Иногда, слушая рассказы старших, я настолько явно представляю то, что было, что кажется, помню все до мелочей...

А вот как стояли мы за хлебом, занимая очередь с ночи, как писали номера мемом на спине, как пересчитывались заново по утрам, — об этом помню отчетливо. Однажды сестренка вернулась домой без картошек. Испуганная мама потеряла дар речи.

Через день в наш дом пришла незнакомая женщина и принесла наши

карточки: их нашла ее дочка и по адресу женщины нашла нашу семью. Вернула карточки, хотя у самой дома было трое голодных детей.

Однажды возвращались мы с сестрой из магазина. С хлебом. Вдруг подскочил какой-то мальчишка, вырвал из моих рук буханку и кинулся бежать. Его догнали тоже незнакомые люди, отняли хлеб, начали бить. Откуда-то прибежал наш отец: растолкал всех, поднял мальчишку, потом оттолкнул от буханки краюху и подал ему:

— На, ешь.

Толпа, наблюдавшая за происходящим, тихо стала расходиться. Все ругали войну.

Пожалуй, люди, пережившие войну, тоже вспоминают что-либо похожее. Голодно жилось тогда, но дружно, честно. И было в нас великое уважение к хлебу.

Как-то разговорился со своим знакомым. Сам он воевал, а семья находилась в блокадном Ленинграде. И там, в городе, обреченном фашистами на голодную смерть, люди находили в себе силы поделиться хлебом, умели беречь каждую его крошку.

Сейчас мы заходим в булочную, привычно выбираем самую мягкую, часто еще теплую буханку, долго думаем, какой из многочисленных сортов булочек выбрать к чаю... В общем-то это правильно: другая пошла жизнь — другие в ней мерки. И все-таки и сейчас хлеб, отношение к хлебу — остается мерой внутренней культуры человека, мерой того, насколько тесно он связан с прошлым страны, с ее историей. Если хотите, хлеб — мера человечности человека.

Г. ВЛОДАРЧИК,
электромонтер электрохозяйства УПЖКХ.

наше богатство

мой целую неделю — пил с друзьями.

— Пришлось разыскивать его через милицию, — рассказывает его жена, Наталья. — Сколько же мы пережили за эти дни, вспомнить страшно, — ее голос дрожит. — Когда протрезвел, мы поговорили. Обсудили всю свою жизнь, решили: Володе надо лечиться, так продолжаться, не может.

На первый прием к врачу — наркологу она пришла вместе с мужем.

Исход этого случая неясен даже теперь. Удастся ли Владимиру вернуться к нормальной жизни? Сумеет ли эта семья справиться с постигшим их несчастьем? Покажет время.

Но вот что непонятно. Эти события продолжались не день и не два. И каждый из нас живет не в изолированном пространстве. Вокруг — люди: товарищи по работе, семья, родные, наконец, просто знакомые. И все замечали: спивается парень, катится вниз.

— Ну что я одна могла сделать? — рассказывает Наталья. — Говорила с ним, убеждала. Он давал слово, держался неделю, месяц — потом срыв. Обращаться на работу сначала не реша-

лась: боялась, испортится там отношение к мужу. Да и меры, которыми обычно наказывают пьяниц, в первую очередь бьют по семье. Если лишат его тринадцатой зарплаты — страдает семья, отодвинут очередь на квартиру — тоже. Соглашались, то, что в семье такое горе — пьющий муж, отец — уже само по себе наказание. Так что еще сто раз подумаешь, обращаться на производство или нет. Хотелось все уладить самим, не выносить сор из избы. Не получилось.

Не выдержала. Устала слушать обещания мужа, жить в постоянном издирании: ждать, вдруг сегодня опять придет пьяный. Позвонила в цех. Раз, другой. Написала письмо. Просила не наказывать, а помочь справиться с несчастьем, непомерной тяжестью давившим на них. Как отреагировали товарищи по бригаде?

— Мы вызывали его, — говорит мастер П. И. Жандармов, — беседовали. Мы поняли так, что у него нелады с женой. Владимир обещал наладить отношения в семье. По работе у нас к нему претензий не было: приходил вовремя, всегда трезвый, работал неплохо. А в семейные дела вмешив-

ваться посчитали неудобным. Попаданий в медвытрезвитель у него не было.

Ответ, честно говоря, был несколько неожиданным и уж слишком контрастным по сравнению с характеристикой, выданной Владимиром: пил, прогуливал, нарушал и т. д. Ушел из бригады — вздохнули с облегчением. Советь у всех чиста: сам ушел, мы здесь ни причем. И получается, не окзалось в бригаде никого, кто был бы искренне заинтересован в его судьбе.

«Неудобно вмешиваться в чужие семейные дела... С этим трудно не согласиться. Разумеется неэтично, неудобно, бестактно. Но как определить грань между этим неудобством и равнодушным к жизни того, кто рядом? И где, в какой момент прописные истины о неприкасаемости чужой личной жизни становятся средством оправдания своего бездействия?»

Наша общечеловечность относится к пьянству неприемлемо. Но возникает вопрос: всегда ли мы осуждаем пьянство?

Уж так повелось, что все коллективные выезды «на природу» зачастую кончаются застольем, где немалая дань отдается спиртному. Без него редко обходится неофициальная часть

ПЬЯНСТВУ — БОИ!

совершенно официальных встреч, приемов, вечеров. Не говоря уже о праздниках и различных семейных торжествах. И далеко не всегда соблюдается эта самая мера в питье спиртного, о которой много и часто говорят. Наоборот, по умению «угостить» обычно судят о хлебосольности хозяев. И не надо здесь проводить разграничительную черту, будто пьянство — это одно, хорошее застолье — другое. Дело не в этом. Дело в принципиальной настроенности на компромисс там, где его просто не может быть. Получается, что, формально борясь с пьянством, мы сами поощряем его. Ну как, скажите, можно ратовать за трезвость со стаканом водки в руках?

Одни из моих знакомых как-то сказал: «А вы попробуйте встретить своих гостей, пришедших к вам на день рождения, чашкой чая. Это же просто смешно!» Но так ли это смешно?

Александр А. работает в цехе подготовки составов. Он уже прошел курс лечения в наркологическом кабинете и сейчас находится под наблюдением врача.

— Нам, «бывшим» — говорит Александр порой бывает очень нелегко придержи-

ваться правила абсолютной трезвости среди частично пьющего окружения. Постоянно ощущаешь свою неполноценность, что ли. Все пьют, а ты нет. Иногда и насмешку услышишь: он, мол, леченый. Но вы знаете, не хочется терять себя в жизни. И вот я подумал: ведь есть же в других городах специальные клубы для тех, кто совсем не пьет спиртного. Клубы трезвости. Почему бы не организовать его и у нас в городе? Поделялся своей мыслью с парнями, они — за. Вот и Светлана Владимировна обещает помочь.

Создать коллектив, настроенный против алкоголя — именно в этом заключается суть этой идеи. Такой коллектив мог бы стать хорошей моральной поддержкой для тех, кто решил полностью отказаться от спиртного. Идея эта не новая, она с успехом осуществляется во многих крупных городах, и как форма профилактической работы дала очень и очень хорошие результаты. Действительно, почему бы не использовать этот опыт и у нас, на нашем предприятии?

Называть точное число больных алкоголизмом среди работников комбината, состоящих на учете, не буду. Достаточно сказать одно: цифра эта внушитель-

ная и заслуживает очень серьезного отношения, тем более, что средний возраст таких больных от 20 до 40 лет, т. е. возраст максимальной трудоспособности.

— Беда наша еще и в том, — говорит С. В. Тарасова, — что на местах выявляемость заболевания низкая. В основном к нам приходят или сами больные, или по направлению милиции. Администрация мало занимается этим вопросом, больные, направленные к нам из цехов, — большая редкость.

Практически полностью отсутствует контакт в работе наркокабинета и цеховых здравпунктов. А ведь это было бы хорошей помощью для участковых наркологов. И уж совсем было бы неплохо, если бы при проведении ежегодных профилактических медосмотров врачи (терапевт или невропатолог) направляли бы тех, кому это необходимо, на консультацию в наркологический кабинет. Это могло бы своевременно выявить заболевание; а значит и облегчить борьбу с ним. Ведь речь идет, в конечном счете, о здоровье людей. А здоровье людей, как верно замечено, главное наше богатство.

В. БЫСТРОВА.